

Война прошла по детским судьбам грозно

О Рыловой Евгении Алексеевне, члене Кировской местной организации ВОС

*В тылу страны нелёгким было детство,
Одежды не хватало и еды,
Страдали от войны все повсеместно,
Хватило детям горя и беды.*

Евгения Алексеевна Рылова родилась 31 мая 1930 года в д. Рыловы Халтуринского района Кировской области. Она мало что помнит из жизни на Урале, куда родители уезжали в поисках лучшей доли, откуда перед войной вернулись в родные края, получили в городе Халтурине комнату в полуподвале.

Когда началась война, отца забрали в армию. Полуграмотная мать – она даже расписываться не умела – осталась с двумя детьми на руках, без работы. Условия для жизни в полуподвальном помещении были ужасными: холодно, сыро, замерзала вода, заедали вши, но самое страшное – по ночам бегали крысы. Несмотря на такие условия, брат с сестрой учились хорошо, в школу ходили с желанием: там было теплее и сытнее, хотя часто занимались в холодных классах. Тетради достать было трудно. Писали на газетах, старых книгах между строчками, обёрточной бумаге. Учебников не хватало на всех. Обычно несколько учебников на весь класс. Кроме основных предметов изучали военное дело – учились собирать и разбирать автомат, пользоваться противогазом, правильно ходить в строю. На завтрак и обед получали булочку или кусочек хлеба с чаем, мясных продуктов не было. Учителя вели

уроки и разные кружки: театральный, хоровой спортивный, организовывали выходы на природу.

То трудное время вытравило у нас свойственные детям эгоизм и капризность. Мы всегда откликались на любые призывы старших. Всей школой мы ходили помогать колхозу: собирали колоски на полях, убирали картофель. После занятий ходили к старикам, больным, носили им воду, дрова, мыли полы, писали по их просьбе письма на фронт.

Видя, что дети буквально пухнут от голода, мать ставила старенькую машинку «Зингер» на санки и отправлялась в соседние деревни на заработки. Она перелицовывала старые вещи, шила полушубки из овчины, а вот новую одежду редко кто заказывал. Люди расплачивались с ней продуктами питания. Без преувеличения, от неминуемой голодной смерти их спасло умение матери шить.

В меру сил брат с сестрой помогали матери выживать в те суровые годы: собирали травы в лугах, луговой лук, щавель, ягоды, грибы, вместе со сверстниками пытались найти что-нибудь съестное в полях, перекапывали картофельные поля в надежде собрать немного картофеля, запасали на зиму дрова для буржуйки. Женя помнит, как вместе с другими детьми выстаивала огромную очередь к городской бойне. В кастрюльки им наливали литр-два крови, которую они с братом пили. А если случалось, что удавалось купить на базаре варёное молоко и добавить в него пареный лук – это уже был праздник. Летом на столе иногда появлялся другой деликатес – улитки, которых они вынимали из ракушек, собранных на реке, опустив их в горячую воду.

После окончания семи классов, за год до окончания войны, Женю отправили на заготовку дров для школы. Работа не детская, тяжёлая, опасная, но школьники не хныкали. Там и случилось непоправимое: спиленное дерево упало на девушку, и она получила тяжёлую травму – перелом ног. Об учёбе пришлось забыть. Два года реабилитации потребовались, чтобы заново научиться ходить, причём, одна нога срослась неправильно. К слову сказать, никто не ответил за травму ребёнка.

О том, что война закончилась, Женя с братом узнали по радио. В тот день падали большие хлопья снега, а необыкновенно радостные люди спешили на городскую площадь, обнимались, плакали. Но это были уже другие слёзы, нежели чем четыре года назад, когда с этой же площади мужчины уходили на фронт, полные решимости разбить вероломного врага. Плакали же их матери, жёны и дети, зная, что их мужья и отцы идут на верную смерть и могут погибнуть. И никто тогда не бегал от повесток в Армию, как сейчас, не пытался откупиться: патриотизм у всех был не показушный. Она помнит, как все дни войны с замиранием сердца слушали сообщения Информбюро, ждали голос Левитана, который до сих пор в голове остался. Богу молились, что в них не стреляют. О бомбёжках им рассказывали эвакуированные, а тяжелораненых они повидали в госпиталях, куда приходили с концертами.

Евгения не знает, как бы сложилась её жизнь, если бы не директор

школы, в которой она училась. Та получила новое назначение – директором открытого в Халтурине культпросветучилища. Видимо, чувствуя свою вину перед искалеченной девушкой, она настояла, чтобы та поступила в училище. Получив диплом организатора и методиста клубной работы, Женя распределилась в г. Великие Луки инспектором отдела культуры. С улыбкой и иронией рассказывает, как её собирали в путь-дорогу:

– Стыдно сказать и грех утаить, но мама, будучи у дяди в Кирове, купила немецкую шинель, – военнопленные работали в городе – перекрасила её и сшила мне пальто, где-то достала хромовые сапоги – в то время у нас они были очень модными. Жена одного офицера отдала мне деревянный чемоданчик за то, что я вечерами нянчилась с её трёхлетним сыном, когда она уходила либо к подругам, либо развлекаться. Работа в няньках, кстати, была в войну одним из источников добывания пропитания. И надо сказать, что я с удовольствием возилась с офицерскими детьми.

Так вот, как сейчас помню: облачённая в пальто, хромовые сапоги, с деревянным чемоданом в руках, я появилась в отделе культуры. На улице было жарко. Потом уже выяснилось, что на своего начальника я произвела «неизгладимое впечатление». Мне стало настолько стыдно за свой внешний вид, что у меня кровь из носа пошла. Потом этот начальник, бывший военный, иногда подтрунивал надо мной по этому поводу. Я не обижалась. Да и внешний вид у меня вскоре изменился в лучшую сторону. На подъёмные я приделалась: купила чехословацкие часики, туфельки, чёрное платье из креп-жоржета и другие красивые обновки, которые добавили мне уверенности в общении с работниками культуры. И я так радовалась этой малости!

Чтобы инспектировать очаги культуры, в командировки приходилось ходить, бывало, по 20 километров, пешком, несмотря на большую ногу. В то время в магазинах появился комковой сахар, заменявший конфеты, и белый хлеб. А сладостей в то время было не густо, не часто, даже очень редко. Остановишься в деревне, попросишь воды, а хозяйки иногда, жалеючи, и молока давали. Я осторожно опускала сахар в молоко или воду, отламывала кусок белого хлеба – это был верх блаженства, ничего вкуснее не было! Было такое ощущение счастья, что я наелась досыта после такого голода! От такой еды я поправилась, стала пышной и жизнерадостной, с удовольствием танцевала под оркестр в городском саду, и такое одухотворение царило в моей душе!

Из дома приходили тоже хорошие вести. Брата, золотого медалиста, вся школа провожала в институт, а директор школы отдал ему даже свой пиджачок. Когда декан посоветовал бедному студенту сменить одежду, брат вынужден был ответить, что у него из одежды больше ничего нет. Окончив институт, брат распределился в Ростов, где вскоре стал деканом института.

Три года я работала в Луках, меня хвалили, приняли в партию, предложили повышение по службе. Но я затосковала по родным вятским местам. Приехав на родину, почти шесть лет руководила культурой в Кумёнах, потратив на культработу 20 лет жизни, а потом перешла в трест школьных столовых.

Времена тогда были сложные: страна восстанавливала разрушенное войной хозяйство. Как руководителя, члена райкома партии, меня посылали уполномоченным в колхозы района. С нас «три шкуры драли», чтобы мы там не завалили выполнение планов по севу, уборке урожая, надоям молока, всевозможным займам. У меня сон был настолько чутким, что если заглохнет комбайн или трактор, я просыпалась и бежала в поле выяснять причину. Понимаю, что у многих был повод не любить уполномоченных, бросать в нашу сторону злые взгляды. Действительно, дисциплина в то время была настолько жёсткой, что и у меня иногда нервы не выдерживали: когда никто не видел, ревела в три ручья. Сегодня, оценивая жизнь с высоты прожитых лет, считаю, что несмотря на некоторые перегибы, всё делалось правильно. Если бы не было такой жёсткой дисциплины, страну мы вряд ли бы так быстро подняли. В то время для всех слово Родина было не пустым звуком. Столько людей погибло ради её процветания. Нельзя забывать это, надо через Великую Победу сохранить связь с прошлым...

Евгения Алексеевна Рылова за время разговора не раз подчёркивала, что самым страшным испытанием в её жизни была война. Когда пятнадцать лет назад она стала инвалидом II группы по зрению, примирилась с этим тяжёлым недугом. На прощание сказала, что всем детям, пережившим ту войну, нужно поклониться до земли!

*Материал подготовила
Лидия Георгиевна Семёновых,
заведующая тифлоиздательским сектором
Кировской областной
специальной библиотеки для слепых.*